

УДК 340.13/14:347.918

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-51-63

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО АРБИТРАЖА)

Чирич А.

Белградский государственный университет

11000, г. Белград, ул. Вука Караджича, д. 1, Республика Сербия

Аннотация. Автору удалось с юридической точки зрения определить в процессе исследования суть принципа добросовестности в применении источников права на международном уровне. В исследовании используется метод компаративистики, что позволяет доказать, что в практике работы судов в различных странах мира сложилась система требований к автономной интерпретации международных источников права. Однако источники права не могут применяться без опоры на концепции национальных правовых систем. Новизной исследования является выявление тенденций юридической практики, в соответствии с которыми очевидна необходимость реализации принципа добросовестности для продвижения правил автономного торгового права (*lex mercatoria*). Автор раскрывает суть реализации принципа добросовестности при применении разных источников права, выявив *homeward trend* – отрицание автономного подхода к интерпретации международных источников права и пренебрежение их атрибутами интернациональности. Исследование имеет теоретический и практический характер и позволяет правоприменителю увидеть, что строгое применение права и юридической техники может привести к недобросовестным решениям, нарушению справедливости, превращая определённые отношения в так называемые тяжёлые случаи (*hard cases*). Основные выводы заключаются в том, что принятие арбитражного решения на основе добросовестности и честности не означает, что оно основывается только на чувстве права или на справедливой оценке. Оно должно опираться на обстоятельства дела. Следовательно, современное право на национальном, региональном или универсальном уровне предусматривает соответствующие коррективные механизмы в виде применения принципов добросовестности, справедливости, передовой практики и других стандартов.

Ключевые слова: источники права, принцип добросовестности в праве, международное торговое право, *homeward trend* в праве.

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN DEALING WITH LEGAL SOURCES (THEORETICAL AND LEGAL STUDY BASED ON INTERNATIONAL TRADE ARBITRATION PRACTICE)

A. Chirić

Belgrade State University, Republic of Serbia

1, Vuk Karadžić st., Belgrade, 11000, Republic of Serbia

© СС ВУ Чирич А., 2019.

Abstract. The purpose of the study is to determine the meaning of the principle of good faith in international law practices. The author uses the method of comparative studies, which allows us to prove that in court procedures of different countries there is a system of requirements for the autonomous interpretation of international law sources. However, the sources of law cannot be applied without reliance on the concepts of national legal systems. The novelty of the study is to identify trends in legal practice, according to which the need to implement the principle of good faith to promote the rules of Autonomous Commercial Law («lex mercatoria») is obvious. The author reveals the essence of the implementation of the principle of good faith in the application of different sources of law, revealing the homeward trend, i.e. denial of the autonomous approach to the interpretation of international law sources and neglect of their international attributes. The study is both theoretical and practical and allows the law enforcement officer to see that the exact application of law and legal technique can lead to unfair decisions, violation of justice, turning certain relationships into the so-called severe cases (hard cases). The main conclusions of the author are that the adoption of an arbitral award on the basis of good faith and honesty does not mean that it is based only on a sense of law or on a fair assessment. It should be based on the circumstances of the case. Consequently, contemporary law, whether at the national, regional or international level, provides for appropriate remedial mechanisms in the form of the application of the principles of good faith, fairness, best practices and other standards.

Keywords: legal sources, principle of good faith in law, international trade law, homeward trend in law.

Введение

Решение споров по поводу международного оборота товаров, услуг и денег со стороны международных торговых арбитражных органов представляет одну из самых значительных характеристик международного торгового права и международных торговых отношений.

Международный торговый арбитраж в функции органа решения международных торговых споров сужает ширину компетенции государственных судов. Соглашение о компетенции арбитража для регулирования международного торгового или морского спора является конститутивным актом подсудности арбитража и одновременно благодаря позволению со стороны национальных правовых систем актом дерогации подсудности

государственных либо других надлежащих судебных органов.

Источники права для регулирования международных торговых отношений (МТО), которые могут появиться предметом арбитражного разрешения споров, отличаются своей многочисленностью, охватывая широкий ряд норм, как *jus cogens* (императивных), так и *jus dispositivum* (диспозитивных). На основании своего происхождения и способа создания они разделяются на государственные, национальные, международные, наднациональные и автономные нормы [16, р. 3–8].

Органы, решающие споры с международными элементами в лице международных торговых арбитражей и национальных судов, кроме национального права, применяют международные правовые источники, основывая свои решения на их нормах. Такая практика вносит важный вклад в пра-

вовую известность участников международного торгового оборота.

Влияние арбитражных решений несомненное, и оно может быть более значительным для правового порядка на фоне международных отношений по сравнению с судебной практикой либо практикой других государственных органов в национальном праве. Нужно учитывать тот факт, что арбитражная практика должна постоянно гармонизировать существующие различия между правилами национального законодательства.

В практике международного торгового арбитража особое значение придаётся международному характеру, гармонизации, унификации и толкованию источников права международной торговли. Регулирование международных торговых отношений сталкивается с противоречиями интернационального характера коммерческого оборота и расхождениями национального права. Правовые системы различных государств отличаются в регламентации идентичных отношений. Такая ситуация может быть причиной многочисленных расхождений и споров, отрицательно влияющих на правовую известность во взаимоотношениях субъектов международного торгового оборота.

Гармонизация и унификация источников права международных торговых отношений обеспечивают субституцию применения решений национальных юридических систем, которые содержат разнообразие ответов на одни и те же вопросы в связи с регулированием классических видов работ с традиционным и новым содержанием.

В арбитражных решениях часто встречаются правила *common law*, а

также нормы наднационального, комунитарного права Европейского Союза. Необходимо подчеркнуть, что процесс продвижения правил автономного торгового права (*lex mercatoria*) также является основанием для расширения роли арбитражного способа разрешения споров и увеличения значения арбитражной практики как специфического вида источника МПП на основе применения унифицированных международных источников права.

В широком значении *lex mercatoria* включает в себя конвенции, международные договоры, общие принципы права и другие инструменты регулирования международных коммерческих отношений, обладающих различной правовой силой, а также саму арбитражную практику¹. Особое место сре-

¹ Концепция о государстве как о едином создателе права появлением *lex mercatoriae* подвергается серьёзной проверке. Несмотря на различные подходы в доктрине о том, считается ли *lex mercatoria* самостоятельным правопорядком, который можно применять независимо от государственного правового порядка, в практике появляются арбитражные соглашения со ссылками на применение правил автономного торгового права – *lex mercatoria*. Международные торговые арбитражи уважают источники *lex mercatoria*, ставя их в основу своих решений. (См: Симовић А. *Lex mercatoria* као извор међународног трговинског права у пракси Спољнотрговинске арбитраже при Привредној комори Србије // «Арбитража». 2008. Бр. 5. С. 65.).

Источников автономного торгового права множество. Самыми значительными среди них являются: модельные законы; кодифицированные правила; типовые договоры; общие условия; обычаи и узанции; обычаи оборота товаров и услуг; деловые обычаи; деловые и производственные стандарты; *soft law*; арбитражная практика национального и международного арбитража и др. О применении источников права со стороны международных торговых арбитражей (см. Чирич А. Международный торговый арбитраж: Применение автономных ис-

ди них занимают Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (ВК 1980) и источники права мягкого нормативитета – *soft law*.

Общие характеристики источников права международной торговли

Исходя из того, что источники права в материально-правовом смысле связываются с общественными факторами и с причинами, из которых они происходят, возникает вопрос: кто создаёт право международной торговли, включающее правила для разрешения международных торговых споров? Традиционно на уровне обществ, организованных в лице самых государств, воля «правящего класса» является материальным источником права. Когда речь идёт о факторах, определяющих создание источников права международного характера, поиск ответа на этот вопрос оказывается более сложным. Движущей силой их создания является «международное сообщество». Оно воплощено в форме международных организаций универсального и регионального характеров, а также и в «мировом сообществе трейдеров». Все они влияют на создание источников права в формальном смысле, которые являются применимым правом, включая и процесс в ходе разбирательства арбитражных споров.

Современные общественные факторы создания источников международного торгового права опираются на транснациональные рыночные структуры, которые имеют и свои регуляторные («законодательные») институты источников права // Материалы Первых международных арбитражных чтений памяти академика И. Г. Побирченко. Киев, 2014. С. 80–92).

ции (*formulating agencies*) [18, p. 230]. Эти факторы являются отражением влияния экономически мощных элитных торговых кругов, обозначенных как «меркатократия» (*mercatoocracy*) [20, с. 27]. Их создают транснациональные компании и их ассоциации, эксперты и представители международных правительственных и неправительственных организаций [28]. Они вместе являются факторами процессов унификации, гармонизации и глобализации международных торговых отношений. Все это может серьезно повлиять и на существующую практику международных арбитражных торговых центров на нашей планете. В связи с этим надо подчеркнуть, что национальные источники права, регулирующие международные торговые отношения, всё больше подвергаются международному правовому режиму, который должен защищать не только национальные, но и интересы международного рынка [19, с. 39].

Неолиберализм во главе с меркатократией считает частное регулирование торговли наиболее прогрессивным методом для достижения международной конкурентоспособности [28]. Глобальный либеральный мир требует от государства стать «адаптером» отечественного хозяйства, чья структура послужит не только национальным потребностям, но и интересам международного рынка. Государство теряет свои традиционные черты бескомпромиссного «защитника» национального хозяйства от более конкурентоспособных иностранных акторов на национальном и на международном рынке [19].

Организация Объединённых Наций отдельной резолюцией объявила,

что существование сравнительных различий в источниках права национального характера является серьёзным препятствием к развитию международной торговли¹. Следовательно, применяется тренд унификации правовых источников, регулирующий отношения по международной торговле в национальных государственных системах.

Процесс унификации права международной торговли медленно, но всё же приходит к единым решениям в связи с многочисленными вопросами международных торговых отношениях. Цель этого процесса – предотвращение коллизии национальных законов и восстановление правовой предсказуемости и известности в нормировании международной торговли. Но возникает вопрос: успевают ли системы унифицированных национальных юридических норм учесть и предусмотреть все потребности современной международной торговли и мирового рынка?

Каждое государство определяет национальные формальные правовые рамки внешнеторговой деятельности, а гармонизация и унификация источников права, регулирующих международные торговые отношения, постоянно влияют на субституцию применения национальных юридических норм.

В настоящее время очевидна тенденция интеграции универсальных и региональных автономных правовых актов, которые приобретают всё большее значение для правового регулирования. Это позволяет говорить

¹ Резолюция ООН 2102 (XX), 1965 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/yearbooks/yb1968-70-r/vol1-p20-52-r.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).

о необходимости создания иных так называемых унифицированных актов. Вместе с тем не только нормативные правовые акты регулируют указанную сферу, но и договорные отношения в сфере международного делового оборота становятся всё более самостоятельными в отношении национального законодательства. Происходит их как бы параллельное регулирование. Таким образом, постепенно артикулируется международный функциональный эквивалент как субститут в области торгового права.

Автономные международные торговые источники являются важными составляющими в системе правового регулирования коммерческого делового оборота. Они же играют и важную роль в арбитражной практике. Исследование показало, что они эффективно применяются в условиях толерантности государственного правопорядка, заменяя применение национальных диспозитивных норм.

О необходимости единообразного способа толкования правовых норм международного характера

Необходимость единообразного толкования международных источников права происходит из их международного характера. Так, например, в тексте Венской Конвенции (ВК) в ст. 7. п. 1 с целью материальной, субстантивной унификации предусмотрено, что «при толковании Конвенции надо учитывать её международный характер и необходимость продвижения однородности ее применения и соблюдения добросовестности в международной торговле». Такая норма означает, что термины и понятия,

содержащиеся в международных источниках права (включая Конвенцию) нельзя автоматически трактовать на основании методов и измерений любого национального права, которые применяются при толковании их национальных источников [21; 22; 23]. Это правило ВК несомненно относится и к остальным источникам права международной торговли.

Международный характер источников права и обычаев требует учитывать со стороны арбитражей, что **международные элементы** имеют **преимущество** над национальным.

Новой задачей правового сообщества, кроме акцептации универсальных правовых норм, является их единственное толкование на планетарном и национальном уровнях в ходе их применения в деловой и арбитражной практиках. Но часто им противоречит явление, которое в дискурсе юридической науки обозначается как *homeward trend*.

Что такое *homeward trend*

Международные источники права вносят значительный вклад в гармонизацию и унификацию права международной торговли. Однако в практике применения источников такого рода стороны, а также судебные органы отдельных государств, трактуют единообразный международный юридический текст согласно концептам партикулярных национальных правовых традиций с укоренившимися местными пониманиями. Такой подход особо проявляется, когда существует терминологическое совпадение или сходство между нормами международных

источников права и положениями национального законодательства.

Тенденция интерпретации международных правил на основе внутренних национальных правовых актов называется *homeward trend*. Этот тренд представляет собой отрицание автономного подхода к интерпретации международных источников права, а также пренебрежение атрибутами интернациональности.

В литературе подчеркивается, что *homeward* тенденция является характерной для судебной и арбитражной практик Соединённых Штатов, чьи форумы на основе прецедентного права в применении положений Единообразного торгового кодекса США толкуют и положения Венской Конвенции, особенно если существуют терминологические совпадения или сходство между их нормами [21].

Юриспруденция подчёркивает, что особый вид *homeward trend'a* проявляется и в случае ссылок судов на позиции судебной практики, основывающихся на толковании правовых институтов и норм в контексте национального права.

По сути, *homeward* противоречит автономному конспекту интерпретации международных единообразных правил и приводит к так называемому процессу *lex forism*. В принципе, *lex forism* является одним из вариантов *homeward trend'a*, который сконцентрирован на применении права арбитражного форума (*lex fori*), решающего конкретный спор¹.

¹ В практике существуют примеры *lex forism'a* в виде оспаривания Венской Конвенции учредительного элемента закона суда (*lex fori*), даже если ее применение частично или в полном объёме не исключается в соответствии со ст. 6 Конвенции.

В деле Т-16/2013 по спору перед Внешнеторговым арбитражем при Хозяйственной палате Сербии в Белграде (нынешний Постоянный арбитраж) между продавцом из Сербии и иностранным заказчиком в соответствии с положениями Арбитражного соглашения в договоре купли-продажи истец и ответчик согласились о применении надлежащего права Республики Сербии. Истец на слушании дела ссылаясь на ст. 6 договора и утверждал, что применение законов страны форума (арбитража) исключает применение международных источников права. По его словам, формулировка арбитражной оговорки, которая указывает на применение законодательства Сербии, исключает применение Конвенции ООН к международным договорам купли-продажи товаров (ВК 1980). Единичный арбитр в связи с позицией истца исходил из принципа «*opting out*» (в связи применением ВК), в соответствии с которым предполагается применение Конвенции, если стороны не исключили её действия в отношении конкретных взаимных договорных отношений.

В конкретном случае стороны имели коммерческие помещения в Сербии и Словении, которые присоединились к Венской Конвенции. Ст. 1 Конвенции предусматривает, что она применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах:

а) когда эти государства являются договаривающимися государствами («прямое применение» Конвенции);

б) когда согласно нормам международного частного права применимо право договаривающегося государства («косвенное применение»).

В конкретном случае стороны не исключили применения Венской Конвенции, ратифицированной Сербией, следовательно, Конвенция является составным элементом надлежащего законодательства Сербии, чье применение стороны чётко и однозначно прописали в ст. 6 договора.

Арбитр согласно ст. 7. ст. 1 Венской Конвенции указал, что при толковании Конвенции надо «учитывать её международный характер, с целью её единообразного применения и уважения принципа добросовестности в международной торговле».

Кроме того, «международный характер» Конвенции в качестве критерия её толкования обязывает дать преимущество «международно-

Последствия *homeward* подхода носят риск дивергентных толкований, что само по себе может привести к неправильному применению международных автономных источников права, включая и Конвенцию [27]. Поскольку текст Конвенции по-разному трактуется даже странами-участниками ВК, то достичь цели о её единообразном применении в одинаковых правовых ситуациях пока не удаётся. Это приводит к различным судебным и арбитражным практикам в зависимости от форума, где решается спор, что в свою очередь провоцирует появление так называемого *forum shopping*¹.

Толкование применимого права и соблюдение начала добросовестности

Строгое применение права и юридической техники иногда может привести к недобросовестным решениям, превращая определённые отношения в так называемые тяжёлые случаи (*hard cases*). Требования строгого соблюдения формальных прав порой приводят к нарушению справедливости. Следовательно, современное право на национальном, региональном или универсальном уровнях предусматривает соответствующие коррективные механизмы в виде применения принципов «му» в конкуренции с «национальным». По этим причинам арбитр совершенно верно применил Венскую Конвенцию к разрешению спора, а не соответствующие нормы закона Сербии, на чём настаивал истец (См.: Ђирић А. Стална арбитража при Привредној комори Србије, Предмет Т-16/2013 // Међународно трговинско право, посебни део. Ниш, 2018. С. 98).

¹ *Forum shopping* – термин, используемый для обозначения попыток перенести разбирательство дела в юрисдикционный орган, чьё решение предположительно окажется более выгодным для одного из участников процесса.

добросовестности, справедливости, передовой практики и других стандартов.

Определённое внимание к этому вопросу было уделено ещё в древнем римском праве путём применения института *bona fides* – соблюдения моральных норм, добросовестности, хороших обычаев и первоначальной честности [7; 8; 9; 10; 11]. В международном частном и торговом праве эти ценности достигаются установлением баланса в деловых отношениях сторон [6, p. 260].

Начало добросовестности является связующим звеном между правом и моралью. Как ни одно общество не может выжить, если не основывается на этическом содержании, так и в сфере договорных отношений между лицами среди прочего должны присутствовать доверие и честность [12, p. 131].

Начало добросовестности является воплощением этического и социального субстрата общества. Оно восстанавливает противовес индивидуалистическому принципу автономии воли договаривающихся сторон, вследствие чего можно сказать, что эти два принципа представляют пример диалектического единства противоположностей [13].

С точки зрения правовой природы, принципу добросовестности уделяется значение генеральной клаузулы, правового стандарта либо бланкетной нормы [12, с. 7]. По господствующей позиции в теории речь идёт о стандарте, чьё содержание не дано ни в отношении предпосылок, ни с точки зрения санкций.

В юриспруденции подчеркивается, что понятие добросовестности относится к надёжности, открытости и

честности сторон договорных отношений, к готовности выполнять договорные обязательства в полном объёме и надлежащим образом. Честность же означает намерение каждого участника деловых отношений оправдать доверие, которое ему дарит другая сторона [1; 2; 3; 4].

Перед судьёй или арбитром стоит задача определить истинное содержание договорных отношений с учётом всех обстоятельств дела. Применением этого стандарта осуществляется «морализация» договорных отношений, поскольку то, что не запрещено, может быть несправедливым [5, p. 54].

Обязательство уважения принципа добросовестности при интерпретации положений международного характера подразумевает, что судья или арбитр не будут толковать их способом, который обеспечит защиту нечестного или недобросовестного поведения одной из сторон в конкретном правовом отношении. Нормы этого принципа кратко прописаны в ст. 7. п. 1 Венской Конвенции и касаются вопросов международного характера и необходимости содействовать достижению единообразия в её применении: «При толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле».

Несмотря на краткость формулировки нормы и на отсутствие в положениях ВК эксплицитного обязательства действовать добросовестно, традиционная суть этого принципа имплицитно пронизывает весь текст Конвенции.

Таким образом, Конвенция трактует принцип добросовестности в полном, целостном (холистическом) смысле. Толковательная оговорка Конвенции представляет собой своего рода императивный наказ суду либо арбитражу, что в зависимости от обстоятельств конкретного дела признаются условия для применения тех положений, которые косвенно выражают суть принципа добросовестности в международной торговле. Речь идёт о положениях, которые могут быть классифицированы в соответствии с основными требованиями, являющимися имманентными стандарту добросовестности в деловых операциях:

а) полный, честный и добросовестный обмен соответствующей информацией;

б) невозможность сторон защищать свои интересы на основании недобросовестного поведения, которое впоследствии приведёт к невозможности исполнения контракта;

в) минимализация ущерба в результате расторжения контракта [25].

Суды и арбитражные органы, решая конкретный спор между сторонами с применением международных правовых норм, обязаны учитывать, будут ли их решения способствовать улучшению стандарта добросовестности в международной торговле.

Однако принцип добросовестности не следует рассматривать только как средство интерпретации в руках судей и арбитров. До судов и арбитражных трибуналов этот принцип в качестве императива должны соблюдать и договаривающиеся стороны. Если от сторон не требовать соблюдения принципа добросовестности, интерпретация данного стандарта будет под угрозой [14].

Другими словами, стандарт добросовестности не может существовать в вакууме. Его невозможно применить в судебной и арбитражной практике, если его не уважают и не соблюдают сами стороны деловых отношений [17; 24; 26].

Со своей стороны суды и арбитражи обязаны уважать данный стандарт [5, р. 53, 54]. Так, на основании положения Конвенции в п. 1 ст. 7 судья или арбитр не должен использовать нормы, предусмотренные в конвенциях, законах либо договорах, которые противоречат обязательству соблюдения добросовестности в международной торговле.

Хотелось бы подчеркнуть, что применение принципа добросовестности со стороны международного коммерческого арбитража несёт с собой определённую угрозу правовой определённости из-за его возможного ошибочного применения.

«Метод применения стандарта добросовестности и честности не означает, что он является результатом “субъективного чувства права” со стороны арбитров или их “справедливой оценке”. Оно должно опираться на объективные критерии и обоснованную объективизацию конкретных обстоятельств дела» [12].

Заключение

Анализ проблемы показал, что автономное международное торговое право или современная *lex mercatoria* исчерпывает легитимность своего применения, в том числе и со стороны международных арбитражных органов.

Следует отметить, что, несмотря на требования к автономной интерпретации международных источников права, они, однако, не могут применяться и толковаться без какой-либо опоры на концепции национальных правовых систем. Такой вывод напрашивается из самого текста Венской Конвенции: ст. 1.1. п. б) и ст. 7. п. 2 ссылаются на коллизионные нормы международного частного права как составной части внутренней национальной правовой системы [15, р. 23]. Это означает, что

обязательство строгого автономного толкования ВК как её самого важного начала имеет преимущественный, но не всегда абсолютный характер.

Принятие арбитражного решения на основе добросовестности и честности не означает, что оно основывается только на чувстве права или справедливой оценке. Оно должно опираться на правила, требующие конкретизации в соответствии с объективными критериями особых обстоятельств дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нам К. В. Принцип добросовестности. Отдельные аспекты. Вещное право // *Zakon.ru* [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/7/princip_dobrosovestnosti_otdelnye_aspekty_veschnoe_pravo (дата обращения: 03.03.2019).
2. Кузьмин И. А. Объективные и субъективные предпосылки толкования права // *Сибирский юридический вестник*. 2017. № 3. С. 8–12.
3. Певцова Е. А., Клишина А. В. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование // *Право и образование*. 2014. № 2. С. 144–156.
4. Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Профессиональное поведение юристов в электронном государстве в случаях несовершенства законодательства // *Журнал Российского права*. 2018. № 6 (258). С. 40–49.
5. Васиљевић М. *Трговинско право*. Београд, 2012. 583 р.
6. Вулетих В. Од bona fides до начела савесности и поштења // *Анали Правног факултета у Београду* 2010. № 1. Р. 258–187.
7. Ferdinand U. *Obyčajové právo mešťanov do 13. Storočia* // *Historicky Casopis*. 2018. Vol. 66. Iss. 2. P. 219–239.
8. Handrlica J. «Atomic Law» or «Nuclear Law»? An Academic Discussion Revisited // *BRICS Law Journal*. 2018. Vol. V. Iss. 3. P. 135–151.
9. Harrington K. J., Nutting C. M. Bravo for PRAVO // *The Lancet Oncology*. 2010. № 11 (5). P. 407–408.
10. Kutleља М. Dialogue between bioethics and biopolitics: The right to life of elderly people // *Diacovensia: teološki prilozi*. 2018. Iss. 26. № 3. P. 437–456.
11. Љкрк М. Ozn in pravo morja // *Teorija in Praksa*. 2016. Iss. 53 (1). P. 86–102.
12. Стојановић Д. Савесност и поштење у промету. Савремена администрација. Београд, 1973. 139 р.
13. Vukorepa I. Migracije i pravo na rad u Europskoj Uniji // *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*. 2018. № 68 (1). P. 85–120.
14. Цветковић П. Н. Тумачење уговора о међународној продаји робе: улога принципа добре вере и проблем «међународне» интерпретације // *Право и привреда*. 2001. P. 966–979.
15. Ђирић А. *Међународно трговинско право*. Општи део. Ниш, 2010. 554 р.
16. Ђирић А. *Међународно трговинско право*. Посебни део. Ниш, 2012. 536 р.

17. Bridge M. Uniformity and Diversity in the Law of International Sale. The CISG and Uniform Law // *Pace International Law Review*. 2003. Vol. 15. Iss. 1. P. 72–88.
18. Cerny P. *The Changing Architecture of Politics: Structure, Agency and the Future of the State*. London: Sage Publications, 1990. p. XVIII, 267.
19. Cox R. *Critical Political Economy // International Political Economy. Understanding Global Disorder*. London & New Jersey: Zed Books, 1995. P. 31–45.
20. Cutler C. Public Meets Private: The International Unification and Harmonisation of Private International Trade Law // *Global Society*. 1999. Vol. 13. No. 1. P. 25–48.
21. Ferrari F. Tribunale di Vigevano: Specific Aspects of the CISG Uniformly Dealt With [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/ferrari6.html> (дата обращения: 12.12.2018).
22. Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention [Электронный ресурс] URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/honnold.html> (дата обращения: 03.03.2019).
23. Huber P., Mullis A. *The CISG. A New Textbook for Students and Practitioners* [Электронный ресурс]. URL <http://bookre.org/reader?file=1162203&pg=4> (дата обращения: 03.03.2019).
24. Keily T. Good Faith and the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) [Электронный ресурс] URL: https://www.trans-lex.org/131400/_/keily-troy-good- (дата обращения: 12.12.2018).
25. Klein J. Good Faith in International Transactions // *Liverpool Law Review*. 1993. No. 15. P. 125–134.
26. Koneru P. The International Interpretation of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods: An Approach Based on General Principles // *Minnesota Journal of Global Trade*. 1997. No. 6. P. 105–152.
27. Lookofsky J. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods [Электронный ресурс] URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/lookofsky.html> (дата обращения: 29.07.2018).
28. Ruggie J. Trade Protectionism and the Future of Welfare Capitalism // *Journal of International Affairs*. 1994. Vol. 48. No. 1. P. 1–11.

REFERENCES

1. Nam K. V. [The principle of good faith. Individual aspects. Property law]. In: *Zakon.ru*. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/10/7/princip_dobrosovestnosti_otdelnye_aspekty_veschnoe_pravo (accessed: 03.03.2019).
2. Kuzmin I. A. [Objective and subjective conditions of law interpretation]. In: *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2017, no. 3, pp. 8–12.
3. Pevtsova E. A., Klishina A. V. [Some aspects of lawyers' legal consciousness: historical and legal research]. In: *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2014, no. 2, pp. 144–156.
4. Pevtsova E. A., Sokolov N. Y. [The professional conduct of lawyers in cybernetic state in cases of the imperfection of legislation]. In: *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 6 (258), pp. 40–49.
5. Vasilević M. [Trade Law]. Belgrade, 2012, 583 p.
6. Vuletić V. [From *Bona Fides* to the Principal of Good Faith]. In: *Annals of the Faculty of Law in Belgrade*, 2010, no. 1, pp. 258–187.
7. Ferdinand U. Obyčajové právo mešťanov do 13. Storočia. In: *Historicky Casopis*, 2018, vol. 66, iss. 2, pp. 219–239.

8. Handrlica J. «Atomic Law» or «Nuclear Law»? An Academic Discussion Revisited. In: BRICS Law Journal, 2018, vol. V, iss. 3, pp. 135–151.
9. Harrington K. J., Nutting C. M. Bravo for PRAVO. In: *The Lancet Oncology*, 2010, no. 11 (5), pp. 407–408.
10. Kutleša M. Dialogue between bioethics and biopolitics: The right to life of elderly people. In: *Diacovensia: teološki prilozi*, 2018, iss. 26, no. 3, pp. 437–456.
11. Škrk M. Ozn in pravo morja. In: *Teorija in Praksa*, 2016, iss. 53(1), pp. 86–102.
12. Stoianović D. Савесност и поштење у промету. Савремена администрација. Београд, 1973. 139 p.
13. Vukorepa I. Migracije i pravo na rad u Europskoj Uniji. In: *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*, 2018, no. 68 (1), pp. 85–120.
14. Tsvetković P. N. [The Interpretation of International Sale Contracts: Good Faith Principle and “International” Approach]. In: *Law and Economy*, 2001, pp. 966–979.
15. Chirić A. [International Trade Law. General Part]. Niš, 2010. 554 p.
16. Chirić A. [International Trade Law. Special Part]. Niš, 2012. 536 p.
17. Bridge M. Uniformity and Diversity in the Law of International Sale. The CISG and Uniform Law. In: *Pace International Law Review*, 2003, vol. 15, iss. 1, pp. 72–88.
18. Cerny P. The Changing Architecture of Politics: Structure, Agency and the Future of the State. In: London: Sage Publications, 1990, pp. XVIII, 267.
19. Cox R. Critical Political Economy. In: *International Political Economy. Understanding Global Disorder*. London, New Jersey, Zed Books, 1995, pp. 31–45.
20. Cutler C. Public Meets Private: The International Unification and Harmonisation of Private International Trade Law. In: *Global Society*, 1999, vol. 13, no. 1, pp. 25–48.
21. Ferrari F. Tribunale di Vigevano: Specific Aspects of the CISG Uniformly Dealt With. In: Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/ferrari6.html> (accessed: 12.12.2018).
22. Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention. In: Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/honnold.html> (accessed: 03.03.2019).
23. Huber P., Mullis A. The CISG. A New Textbook for Students and Practitioners. In: Available at: <http://bookre.org/reader?file=1162203&pg=4> (accessed: 03.03.2019).
24. Keily T. Good Faith and the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). Available at: https://www.trans-lex.org/131400/_/keily-troy-good (accessed: 12.12.2018).
25. Klein J. Good Faith in International Transactions. In: *Liverpool Law Review*, 1993, no. 15, pp. 125–134.
26. Koneru P. The International Interpretation of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods: An Approach Based on General Principles. In: *Minnesota Journal of Global Trade*, 1997, no. 6, pp. 105–152.
27. Lookofsky J. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. In: Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/lookofsky.html> (accessed: 29.07.2018).
28. Ruggie J. Trade Protectionism and the Future of Welfare Capitalism. In: *Journal of International Affairs*, 1994, vol. 48, no. 1, pp. 1–11.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья является результатом работы в рамках Проекта Н0-179046 Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

ACKNOWLEDGMENTS

The article is the result of work under the Project H0-179046 of the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Чирич – доктор юридических наук, профессор, профессор права Белградского государственного университета, заместитель председателя Постоянного арбитража при Хозяйственной палате Республики Сербии в Белграде, арбитр;

e-mail: aciric@prafak.ni.ac.rs

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dr. Alexander Chirić – Doctor of Law, professor, Deputy Chairman of the Permanent Court of Arbitration at the Chamber of Economy of the Republic of Serbia in Belgrade, arbitrator, Professor of law at Belgrade State University, Republic of Serbia;

e-mail: aciric@prafak.ni.ac.rs

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Чирич А. Принцип добросовестности в применении источников права (теоретико-правовое исследование на основе практики международного торгового арбитража) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 51–63.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-51-63

FOR CITATION

Chirić A. The Principle of Good Faith in Dealing with Legal Sources (Theoretical and Legal Study Based on International Trade Arbitration Practice). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 51–63.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-51-63